

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

П.А. ОРЕХОВСКИЙ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СОВЕТСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ: Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, С. СТРУМИЛИН, Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, Ю. ЯРЕМЕНКО

Структурализм — относительно молодое направление экономических исследований, однако в России он уже имеет свою историю. Первые споры вокруг темпов и пропорций советской экономики начались еще в 1920-х годах. Дискуссии между «генетиками» и «телеологами» велись тогда достаточно открыто. Генетики отстаивали традиционалистский подход, опираясь на исчерпание восстановительного импульса и необходимости возвращения страны к «нормальным», среднемировым темпам роста и норме накопления в 16–18%. Телеологи, опираясь на «закон социалистического накопления» и «теорию двух регуляторов», были уверены в возможностях ускоренного развития, даже «отправной вариант» первой пятилетки предусматривал достижение нормы накопления более 20%. И в конце концов, несмотря на чудовищные ошибки большевистского руководства, допущенные при проведении коллективизации, телеологи оказались правы. Вторая пятилетка была более успешной — плановая норма накоплений была снижена, увеличен выпуск товаров народного потребления, от карточек удалось перейти к плановому товарообороту. Идея ускоренного развития и открытие закона социалистического накопления принадлежала Е. Преображенскому, но реализация, в том числе через плановые расчеты, осуществлялась С. Струмилиным, а с третьей пятилетки — Н. Вознесенским. Окончание послевоенного периода и смерть И. Сталина ознаменовала конец «адаптационной модернизации». Планы восьмой пятилетки по опережающему росту отраслей группы «Б» над группой «А» оказались сорваны. К концу 1970-х годов экономика СССР свалилась в неизбежную стагнацию. Экономисты того времени давали алармистские прогнозы о падении темпов роста и предлагали мероприятия по выходу из кризиса, но все они носили паллиативный характер. В это же время появляется структуралистская теория «многоуровневой экономики» Ю. Яременко, содержащая целый ряд «еретических положений», противоречащая как марксизму, так и неоклассическому «мейнстриму». Несмотря на свою плодотворность, она была проигнорирована как плановиками, так и советским руководством.

Ключевые слова: структурализм, нэп, генетики, затухающая кривая, телеологи, структурный кризис, многоуровневая экономика.

УДК: 330.35, 338(091)

EDN: LFGKKN

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_109_133

Введение

Структурализм – относительно молодое направление в экономической теории. Конечно, подавляющее большинство экономистов признает большую важность структурных сдвигов для экономического развития. Тем не менее одновременно с этим большинство экономистов – назовем их традиционалистами – используют модели экономического роста, где центральными факторами являются капитал, рабочая сила и природные ресурсы. Для структуралистов же главной причиной роста является так называемая «совокупная производительность» факторов, которая, в свою очередь, определяется именно отраслевой, пространственной и институциональной структурами экономики.

Пояснить вышеприведенное различие можно на примере старого спора о механизме послевоенного роста между Э. Деннисоном, использовавшем традиционное маржиналистское объяснение, и структуралистами. Характеризуя этот спор, историк Г. Ван дер Вее указывает: «Деннисон предположил, что из-за недостаточно оптимального использования ресурсов реальная эффективность производства может быть ниже, чем его потенциал. Устранив этот “зазор”, можно придать экономике дополнительный импульс развития и посредством этого изменить структуру экономики. Используя в своих исследованиях этот динамический элемент, Деннисон, таким образом, признал факт нестабильности экономического роста.

Это положение составляет “сердцевину” концепции структуралистов. Один из них, Ингмар Свеннисон, использовал эти подходы в своем исследовании межвоенного экономического развития. Для экономистов этого направления экономический рост не сводится к увеличению национального продукта в полной гармонии с технологическим прогрессом. Наоборот, такой рост сопровождается постоянным изменением составляющих производства. Он выражает подъем и упадок промышленных отраслей и постоянное перераспределение труда и капитала между различными секторами экономики и географическими регионами...

Джон Корнволл, Агнус Мэддисон и Герхард Менш использовали структурный и динамический подходы в своих исследованиях экономического роста Запада после войны. Главный вопрос, который встает при использовании структурного подхода, – в какой степени труд и капитал проявляют гибкость и мобильность, необходимые для развития, поддержки и ускорения изменения экономической структуры? Уже сама постановка этого вопроса ставит под сомнение арифметику роста Деннисона, который исходил из факта существования гибкого и мобильного состояния труда и капитала» [2, с. 96–98].

Среди советских экономистов не было открытых сторонников неоклассических моделей роста, хотя экономисты-математики, принадлежавшие к школе системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), использовали такие модели. О соответствующих дискуссиях в среде экономистов-математиков пойдет речь в разделе, посвященном Ю.В. Яременко. Намного более распространенными были относительно простые, двухсекторные модели, опиравшиеся на схемы воспроизводства К. Маркса. Хотя следует подчеркнуть, что в 1920-х годах, когда велись первые активные дискуссии, посвященные темпам и пропорциям советской экономики, часть выдающихся исследователей, таких как А. Чаянов, Н. Кондратьев, В. Громан, использовали инструментальный анализа, близкий к неоклассическому подходу. Тем не менее их представления о замедлении экономического роста, конечно же, не были связаны с неоклассическими моделями. Так, хорошо известная производственная функция Кобба–Дугласа получает распространение в конце 1920-х годов, когда дискуссии экономистов в СССР уже начинают сворачиваться по политическим причинам.

Наряду с уже упомянутой марксовой двухсекторной моделью в СССР применялся балансовый метод. Последний, с некоторой натяжкой, можно рассматривать как специфическую интерпретацию «частичного равновесия» (достигаемого на отраслевых рынках) А. Маршалла. Иногда в работах того времени можно встретить апелляции и к общему равновесию, но оно понималось скорее как своеобразный упрощенный аналог формулы всеобщего денежного обращения и использовалось для оценок (и управления) инфляцией в рамках количественной теории денег. Это имело мало общего с моделями роста на основе межотраслевого баланса В. Леонтьева, которые стали использоваться в СССР только в 1960-е годы. В связи с этим деление советских экономистов времен нэпа на «традиционалистов» и «структуралистов» можно применять только с большой долей условности.

В экономической истории, как, впрочем, и в истории советской экономической мысли, особый интерес представляют два периода. Один из них – период нэпа и перехода к первой пятилетке: именно тогда велись наиболее острые и плодотворные дискуссии. Второй период – конец 1960-х – 1970-е годы – оценивается историками как «период застоя». По нашему мнению, в обоих периодах наблюдалось то, что в современной экономической теории определяют термином «структурный кризис». Однако в первом случае советские экономисты и хозяйственные руководители смогли относительно успешно, несмотря на чудовищные ошибки политического руководства, провести структурную перестройку. Во втором же случае этого сделать не удалось, что – опять-таки в сочетании с большими политическими ошибками – привело к краху СССР.

В эти периоды в СССР работало большое количество талантливых экономистов, которые, безусловно, внесли важный вклад в развитие теории и практики. В то же время, по нашему мнению, в такие переломные эпохи есть фигуры ученых, которые можно назвать «ключевыми». Они становятся таковыми в силу того, что высказывают какие-то принципиальные позиции, следование или отказ от которых в очень большой мере предопределяет успех или неудачу экономической политики руководства страны. При этом, с точки зрения «изоэтрности» выдвигаемых ими теоретических концепций, они могут как уступать, так и превосходить своих современников. Однако последние, развивая, например, концепцию «длинных волн», как Н. Кондратьев, или решая большой класс задач, связанных с оптимизацией производства, как Л. Канторович, оказываются несколько в стороне от структурных проблем. Это ни в коем случае не принижает научных заслуг этих выдающихся ученых.

По нашей, в данном случае весьма субъективной оценке, такими ключевыми фигурами для первого периода являются Е. Преображенский, С. Струмилин и Н. Вознесенский. Для второго периода такую роль выполняет Ю. Яременко. Судьба его полузабытой модели «многоуровневой экономики» хорошо иллюстрирует то обстоятельство, что механизм торможения и последующего краха советской экономики еще долго будет занимать внимание историков.

«Затухающие» темпы роста и закон «социалистического накопления»

«Экономическое чудо» нэпа и его окончание достаточно хорошо описано в отечественной научной литературе. Приведем следующие официальные данные по цензовой промышленности:

Естественно, что в 1920-х годах такой показатель, как ВВП, не рассчитывался. К концу этого периода статистики начинают работать с агрегатом «народного дохода». К тому же столь высокие темпы роста (даже в кризисном, неурожайном 1924 г. прирост продукции составил 16,7%) явно связаны с недостаточным учетом инфляционного фактора (см. табл. 1). Но дело, собственно, не в этом. Высокие темпы роста восстановительного периода начали постепенно замедляться, сталкиваясь с ограничением по наличию свободных мощностей. О неизбежности такой нормализации впервые написал В.Г. Громан, который исходил из представления об объективной необходимости «равновесного» развития народного хозяйства: «Основным критерием оценки динамики хозяйственных процессов должен быть принцип приближения к равновесию, т. е. к соразмерности развития различных взаимно обуславливающих друг друга элементов народного хозяйства.

Таблица 1

Ценовая промышленность и темпы ее роста (год к году)

Отрасли промышленности	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
1. Валовая продукция в ценах 1926/1927, млн руб.	1 924,9	2 512,0	3 829,2	4 469,5	7 436,1	10 276,9	12 051,2	14 754,7	18 337,7
2. Темпы прироста, %	–	30,5	52,4	16,7	66,4	38,2	17,3	22,4	24,3
3. Группа «А», млн руб.	814,3	1 090,3	1 785,5	1 959,4	3 121,1	4 303,9	5 372,1	6 365,2	7 945,1
4. Темпы прироста группы «А», %	–	33,9	63,8	9,7	59,3	37,9	24,8	18,5	24,8
5. Группа «Б», млн руб.	1 110,6	1 421,7	2 043,7	2 510,1	4 315,0	5 973,0	6 679,1	8 389,6	10 393,6
6. Темпы прироста группы «Б», %	–	28,0	43,7	22,8	71,9	38,4	11,8	25,6	23,9

Источник: Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932. М., Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1932. С. XXXIV–XXXV.

Всякое нарушение этого принципа со стороны объективных условий, или же вследствие несоответствия плановых мероприятий принципу соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных сторон народного хозяйства, немедленно отражается самым отрицательным образом на общем ходе хозяйственного развития» [7, с. 92]. Именно с этим равновесием В.Г. Громан связывает «эмпирический закон», который впоследствии получил название закона затухающей кривой. Рассматривая взаимодействие цен, денежной и товарной массы, опираясь на выводы комиссии, которая работала под руководством его идеологического противника – С.Г. Струмилина, Громан указывает: «Все исчисления комиссии сделаны из определенного предположения о неизбежности замедления скорости оборота денег, причем был принят, по предложению В.А. Базарова, определенный темп постепенного ослабления процесса замедления (потухающая кривая).

Мы считаем спорным применение ко *всяким* (выделение слова через разрядку В. Громаном здесь и далее заменено курсивом. – П.О.) элементам народного хозяйства принципа потухающей кривой: тот элемент народного хозяйства, который находится в минимуме, должен догнать опередивший, а денежная масса находится именно в минимуме.

До сих пор денежная масса шла *вперед*, процесс замедления был совершенно очевиден, и нет никаких оснований думать, что этот эмпирический закон уже изжит нами.

Что такой закон есть – сознают многие. В частности, руководитель нашего денежного обращения тов. Сокольников ищет таких же эмпирических законов, как и мы» [8, с. 137–138]. Далее Громан делает вывод о необходимости продолжения «опережения» денежной массы над товарной, но это уже частности. Главным же было объяснение высокого темпа промышленности большим ущербом (по сравнению с сельским хозяйством), который она понесла во время войны. По мере же окончания восстановительного периода должно было установиться и новое равновесие между темпами роста группы «А», группы «Б», сельским хозяйством и остальными сферами, что сопровождалось общей «потухающей кривой».

Стоит отметить, что похожую, но еще более развитую аргументацию, основанную на идеях тектологии А.А. Богданова, в поддержку замедления темпов роста приводил и В.А. Базаров – друг и коллега В. Громана по Госплану. Эту позицию разделял и Н.Д. Кондратьев.

Представление о «равновесии» было характерно для того направления экономической мысли, которое выше было определено как «традиционалистское». Окончание восстановительного периода означало возврат России – СССР к среднемировым, «нормальным» темпам экономического роста, а также «нормальным» макроэкономическим

пропорциям¹. Последнее означало, например, что норма накопления должна была установиться на уровне 15–20%. Вряд ли это могло позволить добиться обещанного большевиками быстрого экономического роста производительных сил, освобожденных от капиталистических, отсталых «производственных отношений». Нужны были средства для наращивания капитальных вложений, но в условиях «равновесия» их источники были весьма ограничены. Поездка В.Г. Громана на Генуэзскую конференцию в 1922 г., где предполагалось добиться смягчения позиций западных инвесторов, потерявших свои средства после Октябрьской революции, мало что дала в этом отношении.

Принципиально другой позиции придерживался Е.А. Преображенский, которого, на мой взгляд, можно считать первым советским структуралистом. Свои знаменитые «законы социалистического накопления» он сформулировал еще в 1924 г. Учитывая, что нэп представлял собой многоукладную экономику, причем «уклады» связывались со спецификой собственности и управления, а не с техникой, Преображенский ставил вопрос об экономическом механизме, который обеспечил бы развитие и победу социалистического уклада. Следуя за логикой К. Маркса, он пришел к следующим лапидарным формулировкам: «Основной закон первоначального социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства... мы можем этот закон в той его части, которая касается перераспределения материальных ресурсов производства, формулировать следующим образом. *Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относи-*

¹ У В.Г. Громана представления о равновесии доходили до определенной экзотики. Как справедливо указывает А. Эрлих: «Громан ослабил свою позицию некоторыми эксцентричными статистическими выкладками. По его словам, он установил, что пропорции объемов товарной продукции промышленности и сельского хозяйства во второй и третий годы восстановления приближалась к соотношению 63:37, что было характерно, согласно его подсчетам, для 1913 г. Громан трактовал это как свидетельство того, что 1) изменения в ценах начиная с предвоенного периода имели тенденцию компенсировать почти полностью сдвиги в соответствующих уровнях производства и 2) устойчивое увеличение предложения промышленных товаров вместе с последовательным снижением себестоимости благодаря улучшению использования производственных мощностей сблизит лезвия “ножниц” и приведет не только общий объем производства в денежном выражении, но и соответствующие сельскохозяйственные и промышленные цены к довоенному уровню» [19, с. 95]. Фиксация определенных пропорций в количественных показателях, конечно, сильное огрубление, но является идеальной иллюстрацией того, что в экономической теории не является структурализмом.

тельно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, тем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты бывших колоний, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т. е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия» (курсив Е. Преображенского. – П.О.) [13, с. 131–132].

Кроме этого, Е. Преображенский также формулирует теорию «двух регуляторов». Первый – это закон социалистического накопления, второй – закон ценности: «Особенность существующей у нас товарно-социалистической системы хозяйства в том и заключается, что в ее пределах действуют одновременно два закона (курсив Е. Преображенского – П.О.) с диаметрально противоположными тенденциями. Вторым из этих двух законов является закон ценности... В законе ценности концентрируется вся сумма тенденций товарного и товарно-капиталистического элементов нашего хозяйства, а также вся сумма влияний на нашу экономику мирового капиталистического рынка» [13, с. 147].

Таким образом, Преображенский характеризует советскую экономику как институционально и технологически неоднородную. Именно это обстоятельство и позволяет отнести его взгляды к структуралистским, в отличие от других наследников К. Маркса, сторонником которого Преображенский считал себя вполне искренне. Однако система законов у Маркса является институционально однородной, законы первоначального, всеобщего капиталистического накопления, стоимости (ценности), тенденции нормы прибыли к понижению – все они «действуют в одну сторону». Идея же «двух регуляторов» – это вариант двухсекторной экономики, которая встречается у экономистов второй половины XX в. довольно часто. Один из самых известных вариантов – работа нобелевского лауреата У.А. Льюиса, который выделял «капиталистический» сектор промышленности, где доходы занятых регулировались предельной производительностью, и «некапиталистический», аграрный сектор, где наблюдалось «перенаселение» и оплата

«выравнивалась по средней». Переток работников между секторами сопровождал экономическому росту, индустриализации и модернизации (в данном случае понимаемой как становление капиталистических институтов) [22]. Легко заметить, что после завершения модернизации оплата труда в аграрном секторе также должна регулироваться предельной производительностью, и в целом экономика становится однородной.

«Новая экономика» Преображенского была сконструирована не так. Ускоренное развитие социалистического сектора и в конечном счете переход его на собственную финансовую базу (с одновременным окончанием действия закона первоначального социалистического накопления) не означала ликвидацию неоднородности. Оба регулятора сохраняют свое значение и для полностью социалистической экономики. Стоит отметить, что в этом отношении Преображенский предвосхитил все последующие дискуссии о соотношении «плановости» и «товарно-денежных» отношений среди политэкономов социализма. Но главным, конечно же, был «телеологический» подход Преображенского, который, собственно, и лежал в основе социалистического накопления. Другими словами, политическое руководство страны ставило задачи социалистического строительства при тех ограничениях по сбалансированности структуры, которые накладывало действие «закона ценности».

В этом отношении у Преображенского не было непримиримых противоречий с «генетиками», и в первую очередь с В.А. Базаровым, который делал акцент на важности сбалансированного развития, учета тех пропорций, которые уже сложились в прошлых периодах развития. При этом стоит подчеркнуть также достаточно сдержанный, почти академический тон риторики как самого Преображенского, так и «генетиков». Однако к проекту планов первой пятилетки, во многом основанных на идее «первоначального социалистического накопления», Преображенский уже не имел отношения. За свою принадлежность к «левой оппозиции» он в 1927 г. был сначала исключен из ВКП(б) и Общества старых большевиков, а в 1928 г. вместе с другими лидерами «левых» был выслан из Москвы. Телеологический подход на практике стали реализовывать уже совсем другие люди.

С.Г. Струмилин, Н.А. Вознесенский: «риторика вражды» и адаптационная модернизация

С.Г. Струмилин был ярким представителем телеологического подхода и постоянным оппонентом генетиков. Он, как и Н.А. Вознесенский, относится к одному из специфических направлений структурализма – к конструктивизму. Для представителей этого направле-

ния более важным является «проект будущего», который они хотят построить, чем знание прошлого и настоящего. Струмилин заявлял об этом предельно откровенно: «Мы говорим, что всякий перспективный план заключает в себе элементы предвидения и предудказания. Кондратьев требует от нас, чтобы изучая социально-экономические закономерности, мы на основе этого делали плановые выводы в порядке предвидения (здесь и далее разрядка текста Струмилина заменена курсивом – П.О.). А мы исходим из определенной целевой установки и пользуемся анализом социальных закономерностей лишь для проверки осуществимости поставленных перед собой заданий... Совершенно иная установка у ученых типа Кондратьева, который хочет сказать, что даже наши цели должны быть выведены из анализа сущего и прошлого. Сущее и прошлое целиком должны определить наше будущее» [16, с. 280].

Такая конструктивистская установка действительно радикально меняла подход к «должному». Если «генетики», говоря о методологии планирования, использовали своеобразный метод «узких мест», отталкиваясь от динамики развития сельского хозяйства, то телеологический подход опирался на промышленность, на то, что сейчас принято называть «прорывными технологиями», «полюсами роста» и т. п. При этом Струмилин использовал «риторику вражды» по отношению к своим коллегам, вместе с которыми он работал в Госплане: «Идеологическое окружение, в котором нам приходилось жить и работать, не могло не оказать своего тлетворного влияния и в практике, и в теории планирования. Громан и Кондратьев экспертно ввали о тяжелой участи эксплуатируемой деревни в СССР, а “левые” оппортунисты в нашей партии, приняв эту экспертизу на веру, возвели ее в целую “теорию” первоначального социалистического накопления и пытались осуществить ее на практике путем крайне вредной политики повышения отпускных цен ВСНХ. Громан и Базаров создали теорию, в котором “содействуя развитию производительных сил, государственная власть – по их словам – была вынуждена (?) пойти на развязывание кулацкого хозяйства”, и, дав крайне механистическую трактовку идеи хозяйственного равновесия, широко использовали в ней пресловутый богдановский “закон минимума”, развернутый в целую серию “лимитов”, обеспечивающих “затухание” темпов нашего развития. А правые оппортунисты в нашей партии и в своем отношении к судьбам кулацкого хозяйства, в тенденции к равнению по минимумам в нашем строительстве как будто нарочно пытались оправдать на практике “абстрактную” теорию названных идеологов» [16, с. 62].

Стоит отметить, что Струмилин даже не называет автора «закона первоначального социалистического накопления» по имени, несмо-

тря на то, что и план первой пятилетки, и его реализация были тесно связаны с идеями Е. Преображенского. В рамках той же риторики вражды Струмилин разделяется с другими своими противниками, давая ссылки на процесс «Промпартии» и другие «процессы», начавшиеся в конце 1920-х годов. Речь идет о первых опытах планирования, в частности, о «Перспективном плане металлургической промышленности на 1923/24–1927/28 гг.», разработанного инженером Гартваном, – о «пятилетке Гартвана» (1923/24–1927/28, представлено Главным Управлением Металлопромышленности (ГУМП)) – факт превысил план по разным показателям в 2–3 раза (по прибыли – в 10 раз), о «пятилетке Калининкова» (тот же период, 32 отрасли промышленности) – факт превысил план в 2 раза, о «пятилетке Неопиханова» (тот же период, транспорт), также превышение факта над планом в разы, о «пятилетке Кондратьева» (сельское хозяйство), неравномерное выполнение (в отдельные годы факт значительно превышал план, но ближе к концу периода факт частично приблизился к плану, частично стал ниже. Если сравнивать темпы роста, то за первые три года был достигнут прирост в 36%, а эта цифра закладывалась на 5 лет. Однако к 1928 г. общий прирост составил всего 40%). Все эти расхождения Струмилин приписывал *вредительской позиции* инженеров и экономистов, которые *специально* разрабатывали заниженные планы, стремясь сдержать развитие советской экономики.

Борьба вокруг «отправного» и «оптимального» вариантов первой пятилетки хорошо известна и много раз описана. В данной небольшой работе нет смысла останавливаться на этой истории еще раз. Стоит напомнить разве что о том, что даже в варианте оптимального плана предусматривалась норма накопления в 25%, что критиковалось «традиционалистами» как стремление большевиков к «сверхиндустриализации» и «перенакоплению». На деле же в ходе выполнения первой пятилетки норма накопления превысила 40%, капиталовложения обеспечивались внеэкономическим принуждением и насильственным изъятием зерна в ходе коллективизации, что вызвало голод. Причина последнего была не только в принуждении колхозников к бесплатной сдаче продукции государству, но и в сокращении поголовья скота и обрабатываемой земли (хотя по отчетам посевные площади все время росли, но валовая продукция сельского хозяйства сократилась). Последнее явилось следствием «эффекта храповика» – слома мотивационного механизма в сравнительно богатых крестьянских хозяйствах, которые уже не хотели возвращаться к «общине». С подобного рода голодом столкнулись первые американские колонисты в Плимуте и Джеймстауне, которых объединили в «колхоз» для выплаты долга перед Виргинской компанией (Джеймстаун) и Томасом Уэстоном и его партнерами

(Плимут)². В результате СССР потерял не только несколько миллионов человек в мирное время, но и производительность в сельском хозяйстве была отброшена на пару десятилетий назад, при этом голод охватил наиболее обеспеченные и производительные аграрные регионы. Применяя известную характеристику в отношении большевистского руководства, можно сказать, что это было *хуже, чем преступление*, – это была ошибка.

Тем не менее, учитывая вышесказанное, возникают вопросы: Как «генетики» могли давать настолько неверные прогнозы? Как при таком «оптимальном телеологическом» планировании можно было добиться успехов в выполнении первой пятилетки? Почему социально-экономическое перенапряжение не закончилось срывом в длительную стагнацию, что много раз имело место среди послевоенного развития стран Африки, Азии, Латинской Америки, пытавшихся реализовать различные варианты стратегии «догоняющего развития»?

Доминирующий историко-экономический нарратив об экономическом росте СССР, сформировавшийся в конце 1980-х годов, включает в себя «голодомор», ГУЛАГ, политические репрессии 1937–1938 гг. и «атмосферу страха», которая пронизывала все «сталинское общество». Любопытно, что российские историки, продолжающие придерживаться этого нарратива, в последнее время стали выпускать работы, характеризующие возможности и размах частного предпринимательства и теневой экономики, что прямо противоречит их же собственному тезису о тоталитарном контроле, якобы пронизывавшем все «государство рабочих и крестьян» [16]. Думается, однако, что карательные органы аргентинской хунты, маоистского Китая или антикоммунистического режима Сухарто в Индонезии вряд ли уступали по «эффективности» сталинскому НКВД. Однако экономические результаты были очень разными.

По моему мнению, главными факторами успеха структурной перестройки, предпринятой «телеологами», было счастливое сочетание их веры в тезис Маркса о том, что более развитая страна показывает

² «Через шесть месяцев пребывания в Виргинии из 104 человек, отплывших из Лондона, в живых остались только 38, хотя страна была плодородна, а во многих отношениях и гостеприимна... Большинство присоединилось к выжившим поселенцам Джеймстауна, и наступила катастрофа: “времена голода”. За шесть месяцев население сократилось с примерно 500 человек до 60...

Колонисты бездельничали, потому что большинство из них подписало договор, который обязывал их трудиться семь лет, внося плоды своего труда в общий котел, до получения статуса полноценного колониста. Они не платили за свой переезд, и предполагалось, что они своим трудом возместят компании эти расходы» [1, с. 53–54]. То же самое произошло и в Плимуте, причем колонисты прибыли туда на знаменитом «Мейфлауэре».

отстающим будущее (вообще говоря, неверный), знание того, какую структуру экономики они хотят получить, и достаточно высокий уровень культуры экономической работы. При этом вторая пятилетка была уже намного успешнее первой. Характерные данные о норме накопления приводит Н.А. Вознесенский, ставший в 1938 г. председателем Госплана (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура народного дохода во второй пятилетке (факт) и третьей (план), %

	1937 г. (факт)	1942 г. (план)
Фонд потребления	73,6	71,2
Фонд накопления,	26,4	28,8
в т. ч. резервы	1,9	0,3
	100	100

Источник: Вознесенский Н.А. Сочинения. 1931–1947. М.: Наука, 2018. С. 387.

Удельный вес фонда накопления во второй пятилетке резко снизился, результатом чего, в частности, была отмена продуктовых карточек, страна перешла к «розничному товарообороту» [14]. Тем не менее уже в третьей пятилетке темпы роста промышленности группы «А» должны были составить 107,0%, а группы «Б» – 72%. Из намеченных Госпланом будущих структурных сдвигов необходимо отметить следующие:

- «Создание второго нефтяного Баку и рассредоточение добычи топлива по всем районам потребления СССР;
- ликвидация частичной диспропорции между большим ростом промышленности и недостатком увеличения мощностей электростанций с тем, чтобы рост электростанций опережал рост промышленности;...
- определение задач третьей пятилетки как пятилетки специальных сталей и пятилетки химии;
- поощрение инициативы мест в развертывании производства предметов широкого потребления;
- создание новой текстильной базы на востоке СССР, особенно в районе Кузбасса...» [3, с. 388].

Н.А. Вознесенский сравнивал плановые показатели СССР 1942 г. и фактические показатели США 1937 г. Именно США долгое время служили для СССР образцом той экономики, которую требовалось построить, поэтому взгляды тогдашних «телеологов», на мой взгляд, представляют собой вариант адаптационной модернизации, суть

которой заключалась в заимствовании западной структуры экономики и приспособления ее «по месту» к особенностям СССР.

Следует отметить, что Н.А. Вознесенский использовал ту же риторику вражды, что С.Г. Струмилин³. Кроме того, он не оставил после себя теоретических работ, которые бы характеризовали его представления о моделях экономического роста. Поэтому об его «плановых установках» можно судить только косвенно, через основные показатели планов третьей и четвертой пятилеток, которые в целом сохраняют курс на форсированное индустриальное развитие СССР за счет относительного сдерживания народного потребления.

Структурный кризис 1970-х годов в СССР и Ю.В. Яременко

Одна из фундаментальных гносеологических проблем социализма – это сущность, которая не существовала, которую только нужно построить, но перед этим уже нужно понять [12]. Большевицкое руководство в 1930-х годах решило эту проблему просто, назвав «победой социализма» то, что получилось по результатам выполнения первых пятилеток. Однако развитие экономики на этом не заканчивалось, надо было что-то строить и дальше.

Экстремальные условия Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления не оставляли большого выбора в средствах экономической политики. Но после смерти И. Сталина будущее резко стало неопределенным. В отличие от ситуации 1920-х годов, когда между «генетиками» и «телеологами» были споры вокруг темпов и пропорций, но не в отношении самой необходимости индустриализации, развития образования, здравоохранения и т. д., в 1950-е годы желательная структура будущей экономики была совсем неочевидна. Задним числом некоторые современные экономисты полагают, что надо было продолжать развитие на основе «сталинской модели» [5]. По моему мнению, в этом случае стагнация и экономический крах СССР наступили бы намного раньше.

³ «Верхушка капиталистической интеллигенции в СССР, как это теперь достаточно ясно разоблачено, пыталась организовать контрреволюционные силы для реставрации капитализма. В этой “работе” между ними на теоретическом фронте образовалось довольно любопытное “разделение труда”. Рубин занимает “верхние этажи” экономического фронта, отвлекая внимание экономистов-коммунистов от конкретных экономических проблем. Специальные экономические дисциплины в это время пытались, и не всегда безуспешно, захватить такие герои контрреволюции, как Кондратьев, Юровский, Чайнов, а также Громан, Базаров, Гинзбург и др. В союзе с ними “Рамзины” осуществляли теоретическое и практическое вредительство в технико-экономических институтах» [4, с. 30].

В то время и в США, и в Западной Европе, на которых во многом ориентировались советские экономисты и планировщики, шел переход к обществу массового потребления. Ипотечные агентства, связанные с Советом по делам ветеранов США, запустили процесс индивидуального жилищного строительства, что, в свою очередь, привело к мультипликативному спросу на автомобили, холодильники, стиральные машины и другие товары длительного пользования: «С 1940 г. дома и квартиры сильно изменились. К примеру, в 1940 г., согласно данным Бюро переписи населения США, в 31% из них не было водопровода, а в 38% не было ванны или душа» [18, с. 58]. Запуск «поточного» жилищного строительства при Н.С. Хрущеве преследовал все те же цели – «догнать и перегнать».

Надо отдать должное работникам советского Госплана, пытавшимся начать структурную перестройку в восьмой пятилетке. Именно тогда был построен «АвтоВАЗ», стали осваиваться нефтегазовые богатства Западной Сибири. Но главный структурный сдвиг осуществить не удалось: в проектировке закладывалось опережение темпов роста промышленности группы «Б» над отраслями группы «А». Этот провал, по-видимому, был роковым – экономическая стагнация СССР к концу 1970-х годов стала неизбежной⁴. Табл. 3 наглядно характеризует и сохранение прежней структуры промышленности, и замедление темпов ее роста. Табл. 4 служит иллюстрацией постепенного снижения возможностей накопления и переходу к экономической стагнации.

Однако и на Западе экономическая ситуация в 1970-х годах перестала быть радужной: «В 1973 г. цены на нефть всего за несколько месяцев взлетели на 400%, и автомобильной промышленности, производившей вызывающе огромные и прожорливые машины, был нанесен сокрушительный удар. Сильно пострадали связанные с ней отрасли производства: прежде всего сталелитейная и металлообрабатывающая промышленность... За 1973–1975 гг. ВВП США упал на 6%, а безработица подскочила в два раза, до 9%. Западная Европа, гораздо сильнее зависевшая от ближневосточной нефти из Персидского залива, соот-

⁴ Среди российских экономистов и историков до сих пор существует убеждение, что восьмая пятилетка была успешной, а главным ее содержанием были «косыгинские реформы», направленные на расширение прав [руководства] предприятий. Дальнейшее замедление темпов роста и брежневский «застой» при этом связывается с незаконченностью «косыгинской реформы». Эти убеждения странным образом соседствуют со «слепым пятном» в отношении радикальной «горбачевской реформы», в рамках которой не только «права предприятий» расширились до замены директивного плана заказом, но и полной демократизацией – переходу к выборности директоров. Результат известен. Тем не менее «косыгинская» и «горбачевская» реформы обсуждаются исключительно раздельно, что позволяет этот неприятный результат игнорировать.

Таблица 3

**Темпы роста общего объема продукции промышленности за период
1940–1984 гг.**

Годы	Вся промышленность	В том числе	
		производство средств производства (группа «А»)	производство предметов потребления (группа «Б»)
1940 = 1			
1960	5,2	6,6	3,2
1970	12	16	6,5
1975	17	23	9,0
1980	21	29	11
1984	24	33	13
1970 = 100			
1975	143	146	137
1980	178	183	165
1982	190	194	177
1984	206	211	192

Источник: Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. ежегодник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 129.

Таблица 4

**Использование национального дохода на потребление и накопление
(в сопоставимых ценах 1973 г., млрд руб.)**

	Национальный доход в целом	В том числе		Норма накопления, %	Темп прироста, %
		потребление	накопление и пр. расходы		
Восьмая пятилетка (1966–1970 гг.), всего	1 230	887	343	27,8	–
Девятая пятилетка (1971–1975 гг.), всего	1 647	1 191	456	27,7	33,9
Десятая пятилетка (1976–1980 гг.), всего	2 045	1 511	534	26,1	24,2
1980	437	329	108	24,7	–
Четыре года одиннадцатой пятилетки (1981–1984 гг.)	1 898	1 416	482	25,4	–
1981	451	342	109	24,2	3,2
1982	467	346	121	25,9	3,5
1983	484	357	127	26,2	3,6
1984	496	371	125	25,2	2,5

Источник: рассчитано автором по: данные ЦСУ: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Стат. ежегодник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 425.

ветственно и пострадала еще больше. ВВП Японии... упал впервые за послевоенный период. Но... кризис имел и долговременные последствия. Вся основанная на ископаемом топливе индустриальная экономика, которая выросла во второй половине XIX в., а в первой половине XX в. встала на рельсы массового производства, казалось, стремительно приближается к гибели.

В Англии в 1970-х годах Шеффилд и окружающая его промышленная зона потеряли более чем 150 тыс. рабочих мест только в сталелитейной индустрии; еще большие потери были в машиностроении... Рурская область... лишилась 100 тыс. рабочих мест... В результате кризиса был разорен главный промышленный регион США – 8 штатов Великих озер (Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Иллинойс, Индиана, Висконсин, Миннесота, Нью-Йорк).

В 1970-е годы в США закрылось более тысячи заводов» [10, с. 20–21].

Теперь этот принято называть «деиндустриализацией» и «переходом к гибкому автоматизированному производству». Удельный вес занятых в промышленности богатых западных стран больше не вернулся к прежнему уровню, упав где в 1,5, а где и в 2 с лишним раза. Советские политэкономы называли этот процесс «общим кризисом капитализма» и объявили, что «социализм находится в историческом наступлении», в то время как коммунистическое руководство на внешней арене договаривалось о «мирном сосуществовании двух систем».

В результате прежняя политика адаптационной модернизации стала полностью невозможной. Если отставание в производстве продовольствия и предметов потребления было еще терпимым, то запускать процесс деиндустриализации с последующей перестройкой отраслевой и пространственной структур экономики для коммунистических руководителей было полностью неприемлемо. Поэтому, вообще говоря, вызов, который стоял в 1970-х годах для экономистов и политического руководства СССР, был хуже, чем во времена нэпа. В 1920-х годах Запад предоставлял образец практики, а марксизм давал квазитеоретическое объяснение того, что нужно было делать. Во времена «застоя» и теория, и практика перестали давать сколько-нибудь удовлетворительные ответы. Результатом было то, что многие экономисты стали делать прогнозы в стиле «затухающей кривой» В. Громана и В. Базарова. При этом – если сравнивать с 1920-ми годами – такие оценки не могли появиться в «открытой печати», все дискуссии проходили за закрытыми дверями, «риторика вражды» не прошла для советской экономической науки бесследно. Как вспоминал известный советский экономист-математик Э.Б. Ершов в 1999 г.: «Наука была скована всякими догмами. Тогда Институт экономики, будучи головным экономическим институтом, называл темпы роста на пятилетку 6,6% по национальному доходу, в то время как Госплан называл, допустим, 6,5 на пятилетку».

Анчишкин со товарищи в это время “имел наглость” сказать, что больше 4,2 не будет, а со временем будет 2,8 или 2,7. Это было воспринято как клевета на Советскую власть и на партию. В системе Госплана сказали: “Что вы себе позволяете?”...

... Другая группа исследователей, которая могла себе позволить такие прогнозы, была группа Михалевского. Третья возникла позднее вокруг Абеда Аганбегяна, Вальтуха, Шатилова, которые на основе межотраслевых моделей делали прогнозы, показывающие неизбежность падения темпов.

Таким образом, все они подводили к мысли о необходимости кардинальных изменений, по крайней мере с начала 70-х годов. Анчишкин говорил о необходимости интенсификации; Аганбегян говорил об экономии материальных затрат; в ЦЭМИ говорили об изменении хозяйственного механизма» [14].

Ничего другого на базе неоклассических моделей, к тому времени широко применявшихся в СССР, несмотря на официальный марксистский дискурс, получить было невозможно. Алармизм постепенно становился хорошим тоном. Но интенсификация, экономия материальных затрат, как и «перестройка хозяйственного механизма», были лишь паллиативами, укладывавшимися в общий официальный курс. Несмотря на принимавшиеся партийные и правительственные постановления и решения, добиться качественных изменений не удавалось. В экономике СССР с конца 1970-х годов начался структурный кризис, который закончился, по сути, только в конце 1990-х годов.

Любопытно, что именно в это время Ю.В. Яременко создает свою теорию «многоуровневой экономики», которая представляет собой вершину советского структурализма, предоставляя, например, следующее определение: «Экономический рост... это, в первую очередь, не количественное увеличение производства, а процесс изменения состава ресурсов, их самовоспроизводство с постоянным выделением качественно новых элементов» [20, с. 68].

Важная посылка, на которой строится теория Яременко, – это отсутствие однородной связи между качеством ресурсов и их ценой, а заодно и между издержками, качеством и ценой. В условиях административного регулирования цен, в советской экономике такая посылка выглядела если не очевидной, то очень правдоподобной. Стоит отметить, что во многом эта посылка соответствует и условиям рыночной экономики, иначе шумпетерианский процесс «созидательного разрушения» был бы невозможен. Но Яременко не претендовал на большую общность своей теории, говоря в основном об СССР.

Слабая взаимосвязь между ценой ресурсов и качеством требовала другого механизма регулирования, который Я. Корнаи называл регулированием «в присутствии» цен [9]. Главным в развитии такой эко-

номики была система приоритетов, которая устанавливалась политическим и хозяйственным руководством страны. Как выразился бы Е. Преображенский, закон социалистического накопления диктовал приоритеты в направлениях капитальных вложений.

Другая важная особенность теории Яременко, которая в отличие от упомянутой выше посылки легко воспринималась советскими экономистами, – это возможность упорядочивания отраслей по принципу «низшие – высшие». Экономика представлялась в образе иерархической структуры (позднее такую же идею реализует С.Ю. Глазьев в своей популярной теории технологических укладов [6]). Чем выше уровень экономики, тем более качественных ресурсов для своего расширения он требует. Отсюда приоритеты в экономике однозначно можно определить только в случае «двухурвневой структуры». Когда же таких уровней становится больше, с приоритетами все не так однозначно. Кратко опишем варианты выбора:

1) направить качественные ресурсы на замещение некачественных (массовых) в низшие уровни – тогда экономика в целом будет потреблять меньше ресурсов. Это – ситуация замещения, для которой Яременко определял соответствующие коэффициенты;

2) направить качественные ресурсы на расширенное воспроизводство того же уровня иерархии;

3) направить ресурсы в расширение более высокого уровня, где существует дефицит ресурсов, для компенсации этого дефицита. В этом случае будет иметь ситуация компенсации, количественно определяемой через коэффициенты компенсации.

В выборе приоритетов между процессами замещения и компенсации, в сущности, и заключается структурная политика по Яременко. И если доминирование рыночного механизма (закона ценности, по Преображенскому) ведет к превышению эффектов замещения над эффектами компенсации, то желание принимать как можно более напряженные планы и форсировать рост ВВП вызывает превышение эффектов компенсации над эффектами замещения. Последнее сначала начинает ощущаться как дефицит качественных ресурсов, но по мере появления все новых уровней и передачи ресурсов туда дефицит становится всеобщим. И в этом различия между интерпретацией дефицита между Я. Корнаи и Ю. Яременко: первый полагал, что в основе дефицита лежит «мягкое бюджетное ограничение», второй – структурная несбалансированность. Попытка ликвидировать последнее путем ужесточения бюджетных ограничений может вызвать стагнацию и спад – победить дефицит таким образом не удастся.

Легко заметить, что такая интерпретация дефицита была очень близка к тому, что писали о «товарном голоде» при социализме Л. Крицман [11] и В. Базаров, а необходимость устранения «узких

мест», диспропорций близка к тому, на что указывали А. Богданов и В. Базаров. Однако дефицит как проблема, тормозящая рост при наличии сравнительно развитого денежного обращения и финансов, – это проблема именно многоуровневой экономики. В отношении же индустриализации и «двухуровневой» экономики Яременко замечал следующее: «На начальных этапах индустриализации, несмотря на ускоренный рост отраслей, способствующих увеличению удельного веса качественных ресурсов в их общем объеме, абсолютные масштабы этих верхних звеньев экономики могут быть таковы, что для поддержания их развития еще не требуется вовлечения в производство всего объема массовых ресурсов..., которыми располагает общество...

Экономика в этих условиях может отличаться достаточно четко выраженной двухуровневой структурой: предприятия с передовой технологией по разным направлениям опираются на производство, основанное на ручном труде... По мере приближения экономики к состоянию относительно полного вовлечения всей совокупности массовых ресурсов в хозяйственные процессы, связанные со структурной перестройкой, подобная форма развития становится нецелесообразной.

Особенностью экономики с двухуровневой структурой является способность к чрезвычайно быстрой концентрации средств в сферах ускоренного развития. Однако такая маневренность двухуровневой экономики лишь обратная сторона ее ограниченных возможностей в расширении качественного спектра хозяйственной структуры...» [20, с. 49–50].

Собственно, тем самым Яременко показал, что различные варианты «догоняющего развития» (основанные не только на преимущественном развитии тяжелой промышленности, как в СССР, но и добыче природных ископаемых, как в ОАЭ и/или Чили, легкой промышленности, радио- и автомобилестроении, как в Республике Корея, и т. д.) могут быть описаны как становление «двухуровневой экономики».

Предоставляла ли теория Яременко, в случае ее применения на практике, возможность избежать экономической катастрофы в СССР? В интервью С. Белановскому Яременко говорил: «я пытался объяснить, что то структурное пространство, в котором существует экономика, не адекватно рынку. Пока мы это пространство не нормализуем, пока структурные характеристики экономики не станут адекватны рыночным, до тех пор рыночная стихия будет оставаться для нашего общества разрушительной. Я имею в виду технологические перепады, перепады в издержках, негативные последствия освобождения цен. Нормализовать же структуру нашей экономики можно пока только с помощью централизованных усилий» [21, с. 232].

Вопрос о том, почему хозяйственное и политическое руководство СССР и РФ не слышало академика, директора Института народно-

хозяйственного прогнозирования АН СССР, тесно сотрудничавшего с Госпланом СССР, видимо, стоит адресовать историкам. С точки же зрения экономиста, так и должно быть. Посылки, на которых основывалась теория Яременко, выпадали как из марксистского дискурса, так и из того, что было принято называть мейнстримом. В повестке дня стояла либерализация цен, приватизация, налогово-бюджетная политика. КПСС 1980-х годов – это не ВКП(б) 1920-х годов – реализовать меры структурной политики не хотели и не могли коммунисты ни образца М. Горбачева и Н. Рыжкова, ни образца Е. Гайдара и А. Чубайса.

Заключение

История советского структурализма закончена. Сейчас работы основных его представителей интересуют разве что исследователей экономической мысли, реже – историков экономики. При этом основным «нервом» является противопоставление хороших «генетиков» кровожадным «сталинистам-телеологам», откуда повествование легко переносится в 1960-е –1970-е годы, где соответствующие роли отводятся «товарникам» и «антитоварникам».

Между тем проблемы роста продолжают оставаться в центре изучения. Продолжатели «неоклассиков» разработали теорию человеческого капитала, эндогенного экономического роста, институционалисты предложили классификацию порядков «открытого и закрытого доступа». На «стыке» неоклассики и структурализма была разработана «новая экономическая география».

После кризиса 2008–2009 гг., как ожидалось, появится новое объяснение происходящего, которое даст видение будущей структуры экономики. Однако консенсус достигнут только в отношении феномена замедления общемировых темпов экономического роста. Является ли это замедление результатом структурного кризиса западной экономики, экзогенных внешнеполитических шоков, перерождением режима либеральной демократии во что-то другое – вопросы остаются открытыми.

Тем временем российские исследователи вернулись к привычной расстановке сил. С одной стороны, дают свои прогнозы (часть из них вполне алармистские, обосновывающие в ближайшей перспективе спад, в долгосрочной – распад и вымирание) экономисты радикального «либерального» направления. Они претендуют на наследство «генетиков» и «товарников». В качестве их оппонентов выступают исследователи, в той или иной форме выступающие за «мобилизационную экономику», под которой понимается вариант «новой индустриализации». Условно назовем их «почвенниками», так как политически среди них есть как откровенные дирижисты, так и сторонники

ограниченно либеральной политики. Надо сказать, что их прогнозы зачастую являются не менее алармистскими.

У этих двух «партий» есть также свои «эталонные экономики». Либералы по-прежнему ориентируются на США, условные «почвенники» – на Китай. При этом последние уверены в том, что мировые Юг и Восток находятся в «историческом наступлении», а роль Запада уже никогда не будет прежней.

Тем временем в структуре и мировой, и российской экономики продолжает идти трансформация. Растет число занятых охранной деятельностью. Появилась и резко расширяется сфера «виртуальной реальности», все больше расчетов осуществляется в цифровых валютах.

Эта трансформация происходит преимущественно под влиянием «второго регулятора – закона ценности». И, наверное, пока у нас не появились свои новые Преображенские и Яременко, которые могли предвидеть будущую перспективную структуру экономики, обеспечивающую быстрое развитие страны, такую медленную, консервативную, пусть и не всегда эффективную работу рыночных механизмов в России следует только приветствовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беттелл Т. Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008.
2. Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука, 1994.
3. Вознесенский Н.А. Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М.: Наука, 2018.
4. Вознесенский Н.А. Марксизм и контрреволюционный идеализм Рубина. О статье И. Рубина в пятой книге «Архива Маркса и Энгельса» // Вознесенский Н.А. Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М.: Наука, 2018. С. 21–30.
5. Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021.
6. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
7. Громан В.Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 88–101.
8. Громан В.Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 125–141.
9. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
10. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
11. Крицман Л. Героический период великой русской революции (Опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). М.–Л.: Гос. изд-во, 1925.
12. Ореховский П.А. Левая утопия в XXI веке // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 162–175. DOI: 10.31857/5086904990009214-7.
13. Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008.

14. *Сатов Г.* Три интервью с Э.Б. Ершовым (февраль–март 1999 г.). <http://www.sapov.ru/staroe/si06.html> (дата обращения: 04.11.2023).
15. *Соколов А.С.* Между карточками и товарооборотом: вторая советская пятилетка // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 102–110. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_102_110.
16. *Струмилин С.Г.* Проблемы планирования в СССР. Л.: АН СССР, 1932.
17. *Хлевнюк О.* Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
18. *Шиллер Р.* Иррациональный оптимизм: Как безрассудное поведение управляет рынками. М.: Альпина Паблишер, 2013.
19. *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010.
20. *Яременко Ю.В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.
21. *Яременко Ю.В.* Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1999.
22. *Lewis W.A.* The Theory of Economic Growth. N.Y.: Routledge, 1959.

REFERENCES

1. *Bethell T.* Property and Prosperity. М.: IRISEN, 2008. (In Russ.).
2. *Van der Wee G.* History of the World Economy. 1945–1990. М.: Nauka, 1994. (In Russ.).
3. *Voznesensky N.A.* Academician N.A. Voznesensky. Essays. 1931–1947. М.: Nauka, 2018. (In Russ.).
4. *Voznesensky N.A.* Marxism and Counter-Revolutionary Idealism of Rubin. About I. Rubin's Article in the Fifth Book of the "Marx and Engels Archive" // Voznesensky N.A. Academician N.A. Voznesensky. Essays. 1931–1947. М.: Nauka, 2018. Pp. 21–30. (In Russ.).
5. *Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M.* Crystal of Growth Towards the Russian Economic Miracle. М.: Nashe zavtra, 2021. (In Russ.).
6. *Glazyev S.Yu.* Theory of Long-Term Technical and Economic Development. М.: VlaDar, 1993. (In Russ.).
7. *Groman V.G.* On Some Patterns Empirically Detected in Our National Economy // *Planning Economy*. 1925. No. 1. Pp. 88–101. (In Russ.).
8. *Groman V.G.* On Some Patterns Empirically Detected in Our National Economy // *Planning economy*. 1925. No. 2. Pp. 125–141. (In Russ.).
9. *Kornai J.* Deficit. М.: Nauka, 1990. (In Russ.).
10. *Kotkin S.* Armageddon averted. The Collapse of the Soviet Union, 1970 – 2000. М.: New Literary Review, 2018. (In Russ.).
11. *Kritsman L.* The Heroic Period of the Great Russian Revolution (Experience in Analyzing the So-Called "Military Communism"). М.–Л.: State publishing house, 1925. (In Russ.).
12. *Orekhovsky P.A.* Left Utopia in the 21st Century // *Social sciences and modernity*. 2020. No. 2. Pp. 162–175. DOI: 10.31857/S086904990009214-7. (In Russ.).
13. *Преображенский Е.А.* New Economics (Theory and Practice): 1922–1928 М.: Publishing House of the Main Archive of Moscow, 2008. (In Russ.).
14. *Sapov G.* Three interviews with E.B. Ershov (February–March 1999). <http://www.sapov.ru/staroe/si06.html> (date of access: 04.11.2023). (In Russ.).

15. Sokolov A.S. Between Cards and Trade Turnover: The Second Soviet Five-Year Plan // Issues of theoretical economics. 2021. No. 2. Pp. 102–110. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_102_110. (In Russ.).
16. Strumilin S.G. Problems of Planning in the USSR. L.: Academy of Sciences USSR, 1932. (In Russ.).
17. Khlevnyuk O. Corporation of Impostors. Shadow Economy and Corruption in the Stalinist USSR. M.: New Literary Review, 2023. (In Russ.).
18. Shiller R. Irrational Optimism: How Reckless Behavior Drives Markets. M.: Alpina Publisher, 2013. (In Russ.).
19. Erlich A. Discussions about Industrialization in the USSR. 1924–1928. M.: Delo, 2010. (In Russ.).
20. Yaremenko Yu.V. Theory and Methodology for Researching Multi-Level Economics. M., Nauka, 1997. (In Russ.).
21. Yaremenko Yu.V. Economic Conversations. Recorded by S.A. Belanovsky. M.: Center for Research and Statistics of Science, 1999. (In Russ.).
22. Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. N.Y.: Routledge, 1959.

Дата поступления рукописи: 01.11.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Института экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petr A. Orekhovsky – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

SOVIET STRUCTURALISM: E. PREOBRAZHENSKY, S. STRUMILIN, N. VOZNESENSKY, YU. YAREMENKO

Structuralism is a relatively young area of economic research, but it already has its own history in Russia. The first debates over the rates and proportions of the Soviet economy began back in the 1920s. The discussions between “geneticists” and “teleologists” were quite open then. Geneticists defended the traditionalist approach, relying on the exhaustion of the restoration impulse and the need to return the country to “normal”, average world growth rates and the accumulation rate of 16-18%. Teleologists relied on the “law of socialist accumulation” and the “theory of two regulators”. They were confident in the possibilities of accelerated development; even the “starting version” of the 1st Five-Year Plan provided for achieving an accumulation rate of more than 20%. And in the end, despite the monstrous mistakes the Bolshevik leadership made during collectivization, the teleologists turned out to be right. The 2nd Five-Year Plan was more successful — the planned savings rate was reduced, the production of consumer goods was increased, and it was possible to switch from

cards to planned trade turnover. The idea of accelerated development and the discovery of the law of socialist accumulation belonged to E. Preobrazhensky, but its implementation, including through planned calculations, was carried out by S. Strumilin, and starting from the 3rd Five-Year Plan — by N. Voznesensky.

The end of the post-war period and the death of I. Stalin marked the end of “adaptive modernization”. The 8th Five-Year Plan, which aimed for faster growth of Group B industries over Group A, failed to be fulfilled. By the end of the 1970s the Soviet economy fell into inevitable stagnation. Economists of that time gave alarmist forecasts about the decline in growth rates, and proposed measures to overcome the crisis, but all of those were palliative in nature. The structuralist theory of multi-level economy by Yu. Yaremenko appeared at the same time. This theory contained a number of provisions that could be called heretical, contradicting both Marxism and the neoclassical mainstream. Despite its fruitfulness, it was ignored by both planners and Soviet leaders.

Keywords: *structuralism, NEP, geneticists, damping curve, teleologists, structural crisis, multi-level economy.*

JEL: B14, B15, B31, B59, N14.